

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

УДК 140.8

Ф.И. ГИРЕНОК О ВЛИЯНИИ Ф. НИЦШЕ НА ФИЛОСОФСКОЮ АНТРОПОЛОГИЮ

В.В. Буланов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь

© Буланов В.В., 2022

DOI: 10.46573/2409-1391-2022-2-5-9

Аннотация. В статье исследуется точка зрения Ф.И. Гиренка на то, какое влияние оказал Ф. Ницше на философскую антропологию. По мнению автора, данная точка зрения является неоднозначной: с одной стороны, Гиренок высоко ценит ряд антропологических наблюдений Ницше, а с другой, как стремится доказать автор статьи, упрек Гиренка в адрес Ницше как убийцы темы человека в европейской философии недостаточно аргументирован.

Ключевые слова: человек, сверхчеловек, сущность, эволюция.

Рецепция идейного наследия Ф. Ницше всегда проблематична. Если не проявлять осторожность, то можно не заметить его основную мысль, прийти к одностороннему или искаженному толкованию его воззрений, невольно проигнорировать эволюцию его философских взглядов. Кроме того, эту рецепцию сильно осложняют последствия плохого самочувствия Ницше на протяжении большей части периода его философского творчества [5, с. 83]. Рецепцию идей Ницше осложняет также его склонность к смене перспектив философствования и к периодической смене масок [1, с. 14, 18; 5, с. 80]. С этими трудностями, несомненно, столкнулся современный российский мыслитель Ф.И. Гиренок в период работы над своим произведением «Введение в сингулярную философию».

Идейное наследие Ницше впечатлило данного мыслителя, недаром он признается: «Когда читаешь Ницше, невольно становишься ницшеанцем. Иначе невозможно» [1, с. 133]. Особенно понравились Гиренку некоторые ницшевские высказывания о сущности человека. Например, что человек – это хаос, рождающий звезды, что люди – лунатики дня, что человек является самокатящимся колесом, что природа в случае с человеком прервала эволюцию скачком в виде исключения [1, с. 138–139]. Вместе с тем Гиренок сохраняет способность критически относиться к ницшевским концептам, недаром он заявляет, что «Ницше – гениальный человек, хотя философия сверхчеловека у него дурацкая» [1, с. 135]. От этого утверждения неотделим упрек Гиренка в адрес Ницше – упрек в убийстве темы человека в европейской философии [1, с. 17].

На первый взгляд, на этот упрек несложно ответить упоминанием такого произведения этого немецкого мыслителя, как «Человеческое, слишком человеческое». Казалось бы, как автор книги с таким названием может быть убийцей темы человека? Но если вдуматься в обвинения – аргументы Гиренка, обосновывающие его упрек, то окажется, что Ницше – автору вышеупомянутого труда – нужен хороший адвокат.

На наш взгляд, таких обвинений четыре. Проанализируем каждое из них и попытаемся на него ответить, исходя из текстов произведений немецкого мыслителя.

Первое обвинение Гиренка таково: ницшевское учение о сверхчеловеке препятствует философскому исследованию человека, так как сверхчеловек – «двойное изъятие человека» – из природы и из человечества [1, с. 137] и уже не человек, а сменившая его стадия эволюции [1, с. 139]. Для того чтобы ответить на это обвинение, надо вспомнить, с чего начинался путь Ницше к учению о сверхчеловеке – с безысходного отчаяния периода создания книги «Человеческое, слишком человеческое». Оно, как представляется, сквозит в следующих утверждениях Ницше: люди изначально изъятые из природы и потому неизлечимо несчастны, так как лишь они «существа нелогичные, а потому несправедливые, и в состоянии это понять» [4, с. 46]; когда человек научается вчувствоваться в жизнь всего человечества, он разучивается верить в ценность жизни, так как осознает, что существование человечества не имеет цели и смысла, всегда полно страданий [4, с. 47].

Какой же выход можно найти из этого антропологического тупика? – Только найти цель, которая утешит людей при их изъятости из природы, потому что побудит их служить призыванию всей природы, которая позволит людям действовать, одновременно вовлекаясь в общее дело человечества и при этом оставаясь настолько обособленным от него, чтобы не слишком мучиться от его страданий. Такую цель, на наш взгляд, нашел Ницше в период создания книги «Так говорил Заратустра», сформулировав учение о сверхчеловеке: в соответствии с ним человек – это «грязный поток», вызывающий лишь презрение, но при этом можно совместными усилиями представителей человечества оправдать свою жизнь, следуя «смыслу бытия» людей и смыслу бытия земли – появлению концентрации всего лучшего, что есть в человеке (самого глубокого и высокого, самого сильного) – сверхчеловека [3, с. 13–14, 20, 294]. Так что можно возразить на первое из этих обвинений: ницшевское учение о сверхчеловеке не только не мешает философствованию о человеке, но и открывает для него новую перспективу.

Второе обвинение в адрес Ницше как убийцы темы человека в философии таково: немецкий мыслитель ошибочно придал грезам человека «жизненное обоснование», из-за чего «в европейской философии идея трансцендентности была переосмыслена так, что она больше не ведет к вопросу “что есть человек”?» [1, с. 17]. Проанализируем каждую из частей этого утверждения по отдельности, а затем свяжем их в единое целое.

Что имеет в виду Гиренок, когда пишет, что Ницше ошибся, придавая грезам, иллюзиям, плодам фантазии человека «жизненное обоснование»? Их мнимое существование (пусть мы «к ним относимся как к чему-то действительно существующему») и их бессмысленность (хотя мы «придаем им смысл») для жизни животного [1, с. 16]. И потому, на наш взгляд, для Гиренка придавать им «жизненное обоснование» – это наделять животных свойством, присущим лишь человеку, и тем самым устранять качественное различие между человеком и животным. В этом-то он, полагаю, и укоряет Ницше. Если это так, то данное утверждение недостаточно аргументированно, потому что Ницше в произведении «Человеческое, слишком человеческое» резко критически высказывается о любых попытках придать сновидениям, грезам «жизненное обоснование», считая их «плохими умозаключениями» о «мнимых причинах» реальных процессов [4, с. 28–29]. Если он и использует в своих философских произведениях образы собственной фантазии, то лишь для придания большей убедительности аргументации своих идей. Например,

Ницше – автор книги «Так говорил Заратустра» – намеренно использует образы фантазии – состояния больного и выздоравливающего Заратустры – для разграничения ошибочного и правильного восприятия своего концепта вечного возвращения [3, с. 221–225]. Поэтому сложно согласиться с тем, что для Ницше грезы когда-либо имели подлинное «жизненное обоснование».

По Гиренку, примером идеи трансцендентальности, ведущей к вопросу «что есть человек?», стали открытые И. Кантом априорные суждения. В частности, таковы суждения, предопределяющие специфику чувственного восприятия человеком окружающего мира, дающие ему эмпирически недостижимое знание о таких вещах-в-себе, как душа, мир и Бог. Благодаря им, резонно отмечает Гиренок, «мы живем и знаем что-то о жизни, не обращаясь к каким-либо размышлениям» [1, с. 16–17]. Однако его попытка отождествить кантовские априорные суждения с иллюзиями как с исключительно человеческим феноменом, изначально бессмысленным и получившим смысл благодаря осознанию людьми [1, с. 16], недостаточно убедительна. Ведь нельзя одновременно знать что-то о жизни, не размышляя, но вместе с тем наделяя это что-то смыслом. В частности, Ницше замечает, что математика (пример априорного знания) «не возникла бы, если бы люди с самого начала знали, что в природе нет... прямых линий, правильных окружностей, абсолютных единиц измерений» [4, с. 28].

А поскольку для Ницше грезы и иллюзии вряд ли когда-либо имели какое-либо «жизненное обоснование», а также соотношение с кантовскими априорными суждениями, то второе обвинение этого мыслителя в убийстве темы человека в европейской философии также можно считать опровергнутым.

Третьим основанием для обвинения Ницше в убийстве темы человека в философии Европы стало якобы проявленное этим мыслителем стремление преодолеть человека как исключение из всемирной эволюции. По Гиренку, Ницше «не знал, что на самом деле делает эволюция» и как с ней соотносится аномальная человеческая «способность к галлюцинированию» [1, с. 41], а потому и заявил: человек есть то, что должно преодолеть.

Начнем с выяснения представлений самого Гиренка об эволюции мира. И сразу же окажется, что, с одной стороны, «в живом мире эволюции не может быть в силу полноты жизни», а с другой – она возникла после того, как была «изобретена органикой» [1, с. 40–41]. Как одновременно эволюции в живом мире не может быть, но при этом она изобретена этим же миром? Как это изобретение могло произойти, если «не может быть частичной жизни», а потому и ее эволюционного восполнения [1, с. 40]? Гиренок не дает ответа, но при этом он укоряет Ницше, что тот не понял суть эволюции...

Отношение Гиренка к ницшевскому видению места человека в эволюции двойственно. Он хвалит немецкого философа за догадку о том, что появление человека стало исключением из всех правил эволюции, «скачком» природы, потому что «нет никаких причин для того, чтобы был человек. А он есть. Человек появляется неожиданно для природы и для самого себя» [1, с. 40–41]. И при этом российский мыслитель порицает Ницше за стремление преодолеть человека во имя продолжения эволюции [1, с. 41]. Согласно Гиренку, Ницше не сумел понять, что «эволюция... была изобретена органикой для того, чтобы исправить свой недостаток, свою способность к галлюцинированию. Нельзя жить и галлюцинировать. Единственное существо, которое сумело освободить себя от этого запрета, – это человек. В нем соединилась жизнь и галлюцинация», реализация сугубо человеческой возможности развертывания так называемого внутреннего мира [1, с. 41].

Ницше заявляет о том, что человека должно превзойти, преодолеть, в своем произведении «Так говорил Заратустра», но здесь же немецкий философ пишет, что человек являет собой эволюционный переход от обезьяны к сверхчеловеку, причем в сущности людей могут проявляться атавизмы более примитивных форм жизни – червей [3, с. 13]. Призыв ницшевского героя Заратустры преодолеть присущий человеку сущностный разлад между растением и призраком во имя грядущего появления сверхчеловека как цели природного существования, «смысла Земли» [3, с. 13–14], как видится, свидетельствует о том, что Ницше – приверженец эволюционного учения – согласился бы с утверждением Гиренка о соединении в человеке жизни и способности к галлюцинированию. Поэтому, на наш взгляд, призыв Ницше к преодолению человека вполне сочетается с его приверженностью к учению об эволюции. Не чужд он был и признанию человеческой способности к галлюцинированию. Таким образом, третье обвинение Ницше как убийцы темы человека в европейской философии также не выглядит убедительным.

Четвертым поводом для обвинения Ницше, по мнению Гиренка, является следующий вывод: когда «Ницше нашел волю в сущем, он потерял человека», «растворил человека в сущем», так как «в вопросе о воле перепутал мир вещей с миром кажимостей и признаков» [1, с. 44–45].

Антропологическая позиция Гиренка основана на противопоставлении нормальных живых существ, которые руководствуются инстинктом и пребывают «в реальном мире вещей», и человека, который может пребывать как в нем, так и «в нереальном мире грез», в котором он пребывает при помощи воли [1, с. 44–45]. Ницше тоже констатирует двойственность человеческой сущности – смешение черт растения (пребывающего в мире вещей) и призрака (находящегося в мире грез) [3, с. 13], но, в отличие от российского мыслителя, стремится ее устранить. Автор книги «Так говорил Заратустра» пытается убедить читателей, что грезы и мечты о неземной реальности лживы, что «самое честное бытие – Я – говорит о теле и желаниях тела» [3, с. 32]. Об инстинкте Ницше, в отличие от Гиренка, не упоминает, для него инстинкт как бессознательное «желание тела» фактически служит проявлением воли. Ницше отвергает автономное бытие мира кажимостей и призраков, а потому он не может его перепутать с миром вещей.

Однако для Ницше человеческое Я – одновременно телесное и «волящее, оценивающее Я» [3, с. 32]. Причем воля присуща не только человеку: «везде, где я находил живое, я находил волю к власти» [3, с. 119]. Так что Гиренок прав, отмечая, что Ницше в своем учении о воле к власти «стер границу между волей и сущим» и тем самым дал основание утверждать, что дело «не в разуме человека, а в воле сущего» [1, с. 44].

Таким образом, утверждение, согласно которому Ницше, размышляя о воле, «перепутал мир вещей с миром кажимостей и признаков» и потому растворил человека в сущем, оказывается несовместимым с содержанием его книги «Так говорил Заратустра». При этом немецкий философ на самом деле содействовал растворению человека в сущем, хотя и вряд ли намеренно. Все это дает основание отчасти согласиться с четвертым обвинением Ницше в убийстве темы человека в европейской философской мысли.

Итак, отношение Гиренка к влиянию Ницше на развитие философской антропологии является неоднозначным. С одной стороны, российскому исследователю импонирует ряд ницшевских высказываний о сущности человека, о соотношении человека с природой. С другой стороны, Гиренок убежден в том, что специфика

отношения Ницше к человеку и популярность его антропологических воззрений привели к убийству темы человека в европейской философии. Это убеждение базируется на четырех обвинениях в адрес Ницше, но три из них представляются недостаточно обоснованными, а четвертое – справедливым лишь отчасти. В связи с этим вновь вспоминаются предупреждения Делеза и Ясперса, адресованные читателям произведений этого немецкого философа: никто из них не может быть уверен в том, что его интерпретация идейного наследия Ницше всецело правильна.

Библиографический список

1. Гиренок Ф.И. Введение в сингулярную философию: монография. М.: Проспект, 2021. 304 с.
2. Делез Ж. Ницше. СПб.: Аxiома, 1997. 186 с.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 4. М.: Культурная революция, 2007. 432 с.
4. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 2. М.: Культурная революция, 2011. 672 с.
5. Ясперс К. Ницше и христианство. М.: Медиум, 1994. 114 с.

GIRENOK ON THE INFLUENCE OF F. NIETZSCHE ON PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

V.V. Bulanov

Tver State Medical University, Tver

***Abstract.** The author of the article explores the point of view of F.I. Girenok on the influence of F. Nietzsche on philosophical anthropology. He argues that this point of view is ambiguous. On the one hand, according to the author of the article, Gerenuk highly appreciates a number of anthropological observations of Nietzsche. On the other hand, the author of the article seeks to prove that reproach Girenok against Nietzsche as the killer of the theme of man in European philosophy is insufficiently reasoned.*

***Keywords:** man, superman, essence, evolution.*

Об авторе:

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», Тверь, SPIN-код: 1044-8740, e-mail: althotas3111978@mail.ru

Author information:

BULANOV Vladimir Vladimirovich – doctor of philosophy, associate professor, assistant professor of the department of philosophy and psychology with courses in bioethics and history, Tver State Medical University, Tver, SPIN-code: 1044-8740, e-mail: althotas3111978@mail.ru